

24 ноября исполняется **80** лет Николаю Николаевичу Брауну. Он – поэт, переводчик, публицист, общественный деятель, давний друг и автор журнала «Невский альманах». Николай Николаевич многолетний узник политлагерей Мордовии и Урала (1969–1979), он один из лидеров монархического и казацкого движений, председатель Имперского Клуба Санкт-Петербурга. Легендарный бард, собравший политлагерный фольклор ГУЛАГа, автор-исполнитель собственных песен.

Наш корреспондент Владимир Желтов не раз встречался с Николаем Николаевичем Брауном, и потому самое время познакомить читателя с отдельными страницами его жизни.

«СЛУЖИТЬ ОТЕЧЕСТВУ В СОГЛАСИИ СО СВОИМИ УБЕЖДЕНИЯМИ...»

Николай Николаевич Браун

Отец его выносил из «Англетера» тело поэта Сергея Есенина, мать состояла в родстве с Осипом Комиссаровым, спасшим жизнь императору Александру II. Сам же он был осужден как антисоветчик, в вину которому вменялась подготовка покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева и подготовка к взрыву мавзолея другого Ильича – Владимира Ульянова-Ленина. А свидетелем на суде у него выступал депутат Императорской Государственной Думы Василий Шульгин, в марте 1917-го присутствовавший при отречении от престола императора Николая II.

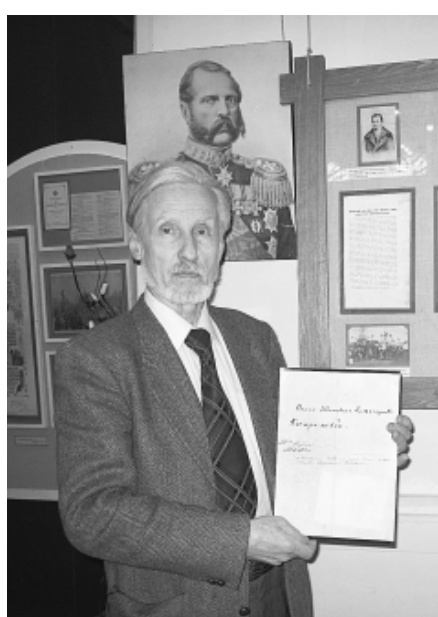
«Дети рождаются в семьях лесорубов, инженеров, плотников, артистов балета, космонавтов. Это уж как кому повезет. Я родился в семье поэтов. Поэтов, которые жили в советскую эпоху и публиковались в советских изданиях, что впоследствии я для себя считал принципиально невозможным», – говорит петербуржец, поэт и бывший политзаключенный Николай Николаевич Браун.

«Закрыв бы Государя своим телом»

– Николай Николаевич, в предисловии к книге ваших стихов «Потаенная колокольня» сказано, что Мария Комиссарова долго скрывала, что она состоит в родстве с Осипом Комиссаровым...

– ...фамилия которого, так же, как и фамилия моей матушки, писалась с одной «с». Об этом родстве она не хотела подробно рассказывать. Могу сказать со всей ответственностью: то, что писалось в советской печати об Осипе Ивановиче, например, что он спился и повесился, – неприкрытая ложь. Комиссаров за свой поступок получил дворянское звание и крупное денежное вознаграждение, о чем при советской власти было не принято говорить. Он стал первым почетным гражданином Санкт-Петербурга. Военную службу проходил в элитном 2-м Павлоградском гусарском полку. В отставку вышел ротмистром. Ему было подарено имение в Екатеринославской губернии, ранее принадлежавшее жандармскому генералу Свечину. Осип Иванович развел там большое хозяйство, стал садоводом, пчеловодом, известным благотворителем. Что же касается его костромского прошлого, говоря современным языком, он был предпринимателем. Имел причастность к меховой торговле, к торговле шапками. В Санкт-Петербурге работал в модном ателье Садова.

Когда 4 апреля 1866 года в Летнем саду Осип Комиссаров увидел, что некий молодой человек, коим, как потом выяснилось,

Н.Н. Браун с автографом
Комиссарова-Костромского.
Сусанино. Краеведческий музей.
2013 г.

оказался Дмитрий Каракозов, целится в царя, он бросился к нему, ударил по руке, и пуля ушла вверх. У меня нет никаких сомнений в том, что, если бы понадобилось, Осип Иванович закрыл бы государя своим телом.

Сейчас, когда у каждого средней руки бизнесмена и дрожащего за свою жизнь среднего политика вооруженная до зубов, хорошо подготовленная охрана, трудно представить, что у Государя императора не было никакой охраны. Никому в голову не могло прийти, что в Царя-освободителя будут стрелять. Он же ничего плохого для России не сделал. Да и сам Государь не понимал, в чем провинился, когда на него была открыта настоящая охота.

— Еще не так давно на месте покушения на решетке Летнего сада висела мемориальная доска...

— Я ее очень хорошо помню. На бело-мраморной табличке крупными золотыми буквами было написано «На этом месте революционер Каракозов стрелял — и дальше мелким шрифтом — в Александра II» (цифрой). Даже не было указано: «императора». А еще раньше на месте чудесного спасения стояла часовня. В апреле же 1866

года городская общественность в течение месяца отмечала событие, которое стало историческим. Известный русский поэт Николай Алексеевич Некрасов посвятил Осипу Комиссарову стихотворение, широко распубликованное, где говорилось о близости царя и народа.

— В связи с чем появилось второе «с» в фамилии Комиссаров?

— У меня есть свидетельство об окончании матушкой гимназии, там одно «с». Добавила вторую букву, конечно же, не сама Мария Ивановна, а приписали ей, когда выдавали документы. В советское время.

Фильм о Комиссарове-Костромском и о его подвиге, сделанный мною вместе с московским режиссером Виктором Безенковым, был показан в декабре 2017 года на Международном фестивале документальных фильмов в Москве и получил высокую оценку и одобрение зрителей.

«Не говорили о стахановцах и колхозах»

— Ваши родители были советскими людьми...

— Николай Леопольдович Браун и Мария Ивановна Комиссарова были, конечно, советскими людьми, но от большинства советских людей их отличало то, что они никогда не состояли ни в комсомоле, ни в партии. Только в Союзе советских писателей.

В августе 1926 года, во время борьбы безбожного государства с религией, они обвенчались в церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове. Через одиннадцать лет церковь была закрыта и полностью разорена, и я так и не нашел ни в одном архиве той церковной книги, где была сделана запись о венчании моих родителей.

Конечно, не считать себя принадлежащим к советскому периоду литературы мог только писатель, активно противостоящий советской идеологии в своем творчестве. Например, несветским поэтом и философом был Даниил Андреев, все главные свои произведения создавший в заключении, во Владимирской крытой тюрьме. Я вспомнил о нем потому, что цикл его тюремных стихов впервые в СССР опубликовал Николай Леопольдович Браун, который в 1960-х — 1970-х годах был редактором поэтического отдела журнала «Звезда». Стихи эти он получил от родного брата Даниила — Вадима, тоже не советского автора — он жил в эмиграции, в Женеве. Повесть Вадима Андреева «Дорога в детство» также была опубликована Николаем Леопольдовичем на страницах «Звезды», они состояли в дружеской переписке. Между прочим, именно Вадим Леонидович, которого я хорошо знал, вывез из СССР с целью публикации «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Дом у нас был хлебосольный, многолюдный. О чем только ни говорили в нашем доме! Не говорили о достижениях пятилеток, стахановцах и колхозах. Говорили о поэзии, искусстве, рассказывали забавные

Осип Иванович Комиссаров-Костромской. Светопись (фото). 1866 г.

истории, но не политические анекдоты. Пели народные песни, песни на стихи Есенина.

Имена: Гумилев, Есенин, Клюев – в нашей семье были звучащими не случайно. Они относились к категории поэтов, о которых рассказывали с душевным волнением, иногда шепотом, но всегда с любовью, с величайшим пиететом. Из своих сверстников в студенческие годы Николай Леопольдович был в дружбе с Николаем Заболоцким, выпускал с ним машинописный журнал. А из старших поэтов-учителей – в дружбе с Николаем Клюевым. Чудом сохранился автограф стихотворения «Богатырка» и двухтомник «Песнослов», подаренные Николаем Алексеевичем Брауну в 1926 году «...с благословением на жизнь песенную». Марии Комиссаровой название ее первой книги – «Первопуток» – подсказал также Клюев. О знакомстве отца с Сергеем Есениным поговорим отдельно.

В школе мне приходилось учить наизусть стихотворение отца «Морская слава», а оно очень длинное. Я выучил, но был недоволен и высказал претензию Николаю Леопольдовичу: «Стихи пиши, пожалуйста, покороче. Как Лермонтов, например: «Выхожу один я на дорогу» или «Прощай, немытая Россия».

Мария Комиссарова написала поэму «Лиза Чайкина» – она получила широкую известность, не раз переиздавалась. Автору хотелось показать настоящего героя в обстоятельствах войны, которая была исключительно жестокой. Имя героини подсказала случайная встреча с рядовыми жителями Тверской области: «Вот у нас была такая партизанка...». И Комиссарова поехала в места подвига партизанки, познакомилась с ее родителями, расспросила очевидцев событий. Сюжет поэмы основан был не на вымысле.

Существуют разные истории из времен войны. Скажем, история «Молодой гвардии». В лагерях я еще застал тех, кто получил большие сроки по делу о «Молодой гвардии». Один из них – бургомистр Краснодона Василий Илларионович Стаценков, у него был срок 25 лет, 20 он провел во Владимирской крытой тюрьме, а пять в одном из мордовских политлагерей спецстрогого режима, где мы и встретились. От него я узнал, что фадеевская, ставшая хрестоматийной, история «Молодой гвардии» не совсем соответствует действительности. Так же, как не соответствует действительности история о Зое Космодемьянской. А Лиза Чайкина была настоящим, не придуманным героем своего времени.

«Вы в расстрельных списках!»

– Николай Николаевич, как ваши предки по отцовской линии оказались в городе на Неве?

– В Петроград Брауны перебрались из Орловской губернии. В 1919-м году, когда Деникин стал отступать к югу, у Николая Леопольдовича был выбор: либо взять в руки оружие и идти с Деникиным, либо как неизбежное принять перемены в стране.

Николай Браун старший с Вадимом Андреевым, сыном писателя Леонида Андреева. Комарово. Июль 1966 г.

Фото Н.Н. Брауна

Поэт Николай Леопольдович Браун. Капитан Краснознамённого Балтийского Военно-Морского флота. Январь 1944 г.

Их архива Н.Н. Брауна

Николай Николаевич Браун 24.06.11.

Дедушка с бабушкой, Леопольд Викентьевич и Ефросинья Ивановна, (они оба были православными, как и мой отец) раздали близким людям имущество и вместе с детьми поехали в бывшую столицу Российской империи, где мой двоюродный дед профессор Павел Викентьевич Браун до революции владел домом на улице Шамшева, 17. Дед скончался в том же 19-м году, дом реквизируют, Брауны поселились в небольшом коттедже в Новой Деревне.

– Брауны испокон веков жили в Орловской губернии?

– Насколько мне известно, первым в России в XIX веке появился композитор и капельмейстер Христофор Браун, он работал с большими оркестрами в Вене и в Праге. Приехал, купил землю в Орловской губернии, женился на русской. Отец мой родился уже в России. По его словам, под Прагой были деревни Браунов. Какая-то дальняя родня жила где-то на католическом юге Германии, в Чехословакии, в Австрии. Вот, пожалуй, и все, что мне удалось выяснить у Николая Леопольдовича, который на вопросы о предках отвечал крайне неохотно. (Таким образом родители заботились о безопасности своих детей.) Однако, помню его эпиграмму: «Я не нуждался в изобилии, // И в ливнях века не линял, // Судьбою данной мне фамилии // На псевдонимы не менял!» Так что во мне, как я говорю, «помножились» две крови: германская и русская.

– Было бы потрясающе, если бы вы еще сказали, что ваши предки состояли в родстве с Евой Браун...

– Во время следствия у меня пытались выяснить, не является ли она мне ближайшей родственницей.

– Я пошутил, а вы... Серьезно?

– Куда уж серьезнее! Это сейчас можно смеяться. Когда один из следователей спросил, я тоже несколько удивился, что он не шутит: «Если я вам скажу, что не является, вы все равно не поверите. Так что уж проверьте сами и скажите мне». Был еще Джон Браун – борец за права

негров, о нем почему-то следователь не вспомнил. Может быть, в школе плохо учился.

– Во времена сталинщины за одну только немецкую фамилию можно было пострадать.

– В августе 40-го отца вызывали в 6-е отделение милиции на канале Грибоедова. (Тогда мы жили в «писательской надстройке» на том же канале Грибоедова, дом 9.) Начались допросы-расспросы в связи с делами, которые касались их общих с Есениным и Клюевым друзей – казенного поэта Ивана Приблудного, поэта Павла Васильева, убитого в 37-м, без вести пропавшего в 38-м Бориса Корнилова и его жены Ольги Берггольц. Попутно выполнялся план по вербовке стукачей. «Соглашайтесь!» – настаивал следователь. «Вы хотите, чтобы я бросил литературу, перестал писать? У вас что, для меня уже готова форма и звание офицера НКВД?» – противился отец. На пятом или седьмом ночном допросе Браун заявил: «Я не буду отвечать!» Следователь: «Ну что ж, тогда будем сидеть молчать, не спать». – «Для меня как для поэта по ночам не спать – дело привычное». Следователь пришел в ярость. «Вы что дурака валяете! У вас родственники за границей. Вы же с ними состоите в переписке». – «Какие родственники! Какая переписка!» – «У нас их письма». – «Так дайте почитать». – «Не полагается, это следственный материал». – «В таком случае, откуда же я знаю, что у меня родственники за границей?» У следователя сдали нервы – закричал: «Вы у нас в расстрельных списках!» Отец прекрасно понимал, что может быть дальше. Он написал очень серьезное заявление и отвез его в Смольный. Николай Леопольдович писал, что все обвинения абсолютно безосновательны, что он подвергается шантажу. «Либо вы меня защитите, либо я буду жаловаться в Москву...» Письмо в Москву он уже подготовил. В Смольном нашлся человек (кто он, отец не знал), который прекратил и ночные допросы, и вербовку.

«Есенин умер при допросе»

– Николай Николаевич, когда и при каких обстоятельствах ваш отец познакомился с Сергеем Есениным?

– С Есениным отца познакомил Клюев. Их встречи не могли быть частыми – они жили в разных городах. Но об их близком знакомстве говорит тот факт, что Сергей Александрович подарил отцу автографы двух своих стихотворений: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» и «Мне осталась одна забава: пальцы в рот – и веселый свист!...». Рукописи каким-то чудом уцелели во время блокады, не пропали при обысках.

У отца была замечательная память. Но он намеренно не писал воспоминаний, не хотел даже слышать об этом. Только в середине 60-х впервые рассказал мне, уже взрослому, о том, как выносил убитого Есенина из «Англетера».

Оказавшись в мордовских спецстрогих политлагерях, я на свидании обратился к отцу с просьбой написать о Есенине. Рассказать все, как было. В надежде, что после освобождения опубликую его воспоминания за рубежом. Воспоминания он написал, но заведомо только то, что могло быть опубликовано в советской печати. Статьи, насколько мне известно, никто другой так ярко и точно не описал чтение Есениным своих стихов.

– Что вам рассказывал отец о случившемся в «Англетере»?

– В редакцию журнала «Звезда», где в то утро были двое: Николай Браун и Борис Лавренев, из «Англетера» позвонил Павел Медведев. Он попросил их обоих срочно прийти: «Есенин покончил с собой». Писатели должны были увидеть Есенина мертвым и подтвердить версию суицида.

О том, как Есенин покончил самоубийством, в гостинице рассказали Медведев, Фроман и Эрлих. Но и они, как оказалось, ничего своими глазами не видели. Им тоже «рассказали».

Покройный был уже приговорен для демонстрации. Однако, первоначальные фотоснимки, которыми мы сегодня располагаем, обнаруживают совсем иное. У Есенина были изрезаны, похоже, бритвой, руки. Но не поперек, а вдоль. Как при пытке. Левый глаз запал. Две пробоины чуть выше переносицы и одна – над правым глазом. А Николай Леопольдович говорил мне о «глубоко проникающей ране под правой бровью», которая была «смертельной», о «синяке» под левым глазом, о «следах побоев».

Отец в голодное время, в 1919-20 годах, чтобы выжить, работал санитаром скорой помощи. Он неплохо знал анатомию. Трупов он видел много, среди них попадались и висельники. Но у Есенина не было ни посинения лица, ни высунутого языка.

«Есенина нужно было выносить», – рассказывал отец, – я взял его, уже окостеневшего, под плечи. Волосы рассыпались мне на руки. Запрокинутая голова опала. Были сломаны шейные позвонки».

В книге Мельгунова «Красный террор в России» упоминаются специальные удавки для ломки позвоночников, имевшиеся в ЧК.

Положим приемом снимают часовых. Удавка могла быть применена и здесь. Чем и как был пробит лоб Есенина? Такой вопрос возникает при взгляде на одну из посмертных масок, где в проломе над переносьем две дыры. В ЧК имелись для этой цели молотки с острыми концами-ключами. Я спрашивал Николая Леопольдовича, не был ли Сергей Александрович застрелен. Ответ был краток: «Он был умучен!» Двойная вмятина над переносьем Есенина могла быть от удара его же револьвером, к тому же у системы Наган на середине рукоятки внизу — ушко из стали.

Поэтесса Ида Моисеевна Наппельбаум говорила мне, что ее брат Лев помогал милиционеру, стоящему на стремянке, снимать повешенного Есенина с отопительной трубы. Теперь уже широко известен тот факт, что шея покойного была обмотана веревкой несколько раз — как длинным шарфом. Об этом Лев и рассказал ей. Но! При повешении у человека расслабляются все органы. Никакой врач не поверит, что перед ним самоубийца, если мочевой пузырь не опорожился. И на полу и на диване, куда положили тело Есенина, было сухо.

Браун с Лавреневым категорически отказались подписаться под протоколом, где говорилось, что Есенин покончил с собой. Протокол был составлен даже на первый взгляд неумело, примитивно. Но под ним уже стояли подписи сотрудников ОГПУ Вольфа Эрлиха и Павла Медведова, секретаря Союза писателей Михаила Фромана и поэта Всеволода Рождественского. Николай Леопольдович тут же упрекнул последнего: «Сева, как же ты мог под этим подписаться! Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал!» Тот ответил: «Мне сказали — нужна еще одна подпись».

Проведенное в 1990-е годы писателем Виктором Кузнецовым частное расследование показало, что подпись милиционера Николая Горбова — явная фальсификация. Как и заключение Гиляревского, на которое сторонники версии самоубийства ссылаются как на главное доказательство. Гиляревский был медик старой дореволюционной школы и хорошо знал, как в таких случаях составляются документы. Но медэксперта не приглашали. Зато пригласили мастера ретуши фотографа Моисея Наппельбаума. Чтобы к делу подшить уже отретушированные снимки покойного Есенина.

— Николай Николаевич, вы считаете, что Есенин погиб при допросе. Чекисты что, «переусердствовали»?

— Скорее всего. Так считал отец. Труп весь был в пыли, даже в волосах песок. Браун решил, что Есенина в номер «Англетера» принесли. «Откуда?» — спросил я. «Вероятно, с допроса...». Здесь необходимо напомнить: в этот период Есенин был под следствием (13 спровоцированных тогдашней Лубянской уголовных дел). Даже на просьбу наркомпроса Луначарского прекратить преследование московский судья Липкин ответил, что на этот раз приговор будет исполнен! Таким образом, по моему убеждению, и был исполнен приговор, замаскированный под самоубийство, чтобы снять подозрение с исполнителей.

Художник и поэт Василий Сварог, автор посмертного портрета-рисунка Сергея Есенина, сделанного с натуры, в своих воспоминаниях тоже написал, что труп весь был в пыли, сложилось впечатление, что он был принесен в номер завернутым в ковер. Сварог считал, что Есенин умер во время пытки. Кстати, воспоминания Сварога еще одно доказательство тому, что Есенин приехал в наш город жить, а не кончать жизнь самоубийством. У Сергея Александровича было огромное желание увидеть первый том своих сочинений, подготовленный к печати, а в ближайших планах — выступить с чтением стихов. А поскольку Сварог был еще виртуозным гитаристом, и у них с Есениным имелся опыт совместных выступлений, они заранее сговорились о вечере мелодекламации, где Сварог сопровождал бы чтение поэтом своих стихов. О такой договоренности публично рассказал на устроенном мною в декабре 2005 вечера памяти Есенина сын близкого друга Сварога художника Петра Бучкина, художник Дмитрий Бучкин.

О Есенине я расспрашивал всех, кого мог. И поэтессу Иду Наппельбаум, и писателя Павла Лукницкого. Лукницкий служил в ОГПУ и впоследствии не скрывал этого. Павел Николаевич, с которым мы были хорошо знакомы, в ответ на мои расспросы о смерти Есенина прямо сказал мне о своем впечатлении от его внешности в «Англетере»: поэт «был изуродован, на одежде следы крови», а «левого глаза не было — вытек!» В итоге, вывод Лукницкого: «Умер при допросе!». В его мемуарах (Париж, 1991 год) об этом написано так: «Есенин был мало похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же... в верхнем углу правого глаза — желвак, на переносице — ссадины, и левый глаз — плоский: он вытек... Синева в лице не было: оно было бледно и выделялись только красные пятна и потемневшие ссадины».

Что касается «Англетера» — какую версию ни возьмем, все, от начала до конца, вымысел! В декабре 1925 года Сергей Есенин в подведомственной ОГПУ гостинице не жил! Ни в одном из списков не значился.

— Напрашивается предположение, что Есенина допрашивали в ОГПУ на Гороховой, 2, а труп уже «транспортировали» в «Англетер»...

— У огеэпушников были, так называемые, конспиративные квартиры. Одна из них могла находиться где-нибудь рядом. А могли быть специальные помещения и в самой гостинице. Номер 5 фигурирует только в документах ОГПУ. А у Всеволода Рождественского в письме к одному из своих друзей указан № 41. Кстати, №5 — бывшая аптека, а соседний, 6-й, — аптечный склад. Между ними — дверь, заставленная шкафом.

С чекистов головы бы сняли, если бы они позволили Есенину уйти за границу, тем более, во время работы XIV съезда партии. Близкие друзья его уже были расстреляны или умерли под пытками, как, например, Алексей Ганин, создавший, по фиктивной версии Лубянки, «Орден русских фашистов». По делу «Орден» только в Москве в марте-апреле 1925 года казнили шесть человек, остальных приговорили к различным срокам заключения.

Алексей Ганин был в гражданском браке с сестрой Есенина Катей. Он, конечно, очень хотел, чтобы Есенин переправил за границу его тезисы, в которых называл советскую власть властью «изуверов-садистов». Ганин считал, что его тезисы должны предостеречь правительства других стран от коммунистических революций. Сергей Есенин не случайно перед отъездом из Москвы в Ленинград дома у своей бывшей жены Анны Изрядновой сжигал бумаги в кухонной плите. Среди них, возможно были и «тезисы», переданные ему Ганиным для распространения за рубежом, в частности, в Италии.

Многие до сих пор удивляются: «Есенин писал лирику, пил вино и увлекался женщинами. При чем тут политика!» На самом деле Есенин был в эпицентре политических событий. Встречался с вождями революции — Кировым, Дзержинским, Троцким. Но в последнее время он пересматривал свои взгляды. И вел себя при этом неосмотрительно. Поэма «Страна негодяев» — настоящий вызов большевистской власти. Есенин, к сожалению, откровенно высказывался в письмах и к тем своим друзьям, которые являлись огеэпушниками или поддерживали прямые контакты с ОГПУ. В одном из писем он писал: «Я перестал понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только... что не к февральской и не к октябрьской. По-видимому, в нас... скрывается какой-нибудь ноябрь!». В августе 1925-го предостерегал кузена Илью в письме домой: «Только не на рабфак. Там коммунисты и комсомол». А в сентябре 25-го имел неосторожность написать из клиники Чагину: «Чтоб избавиться кой от каких скандалов... махну за границу. Там и мертвые львы красивой, чем наши живые медицинские собаки».

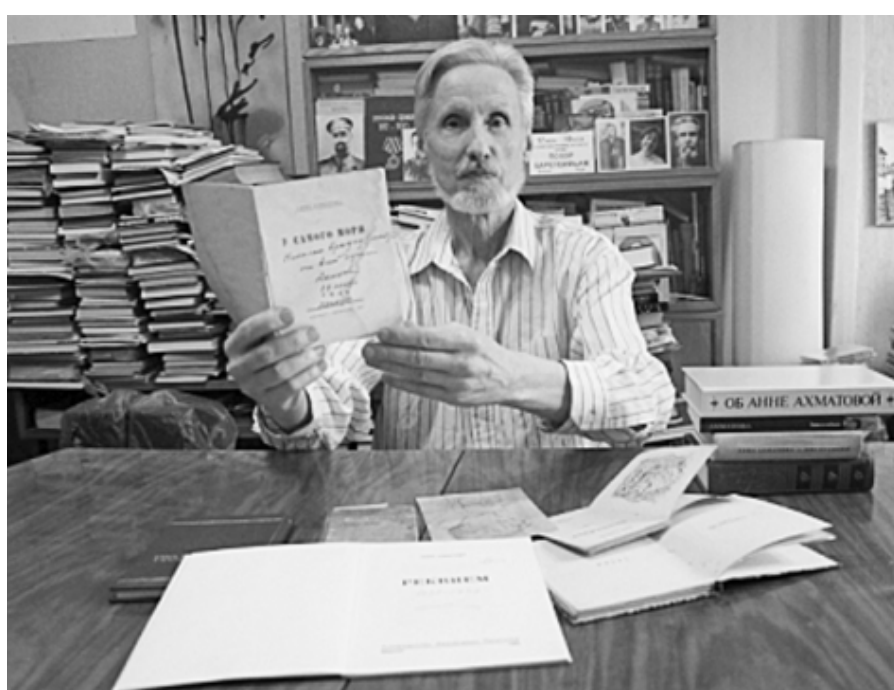
Когда замаячила «высшая мера», Есенин попытался скрыться от ОГПУ на юге — в Закавказье. В Мардакянах под Баку у него случился конфликт с Яковом Блюмкиным. Блюмкин чуть не застрелил Есенина. Сергей Александрович поехал в Тифлис и попросил друзей достать ему револьвер. С этим оружием он уже не расставался до конца жизни. Судя по всему, Сварог прав: именно револьвером и мог быть пробит лоб поэта, оказавшего сопротивление.

— Получается, что Есенин ехал в Ленинград работать, а чекисты боялись, что он сбежит на Запад?

— Да. Но даже если бы он собрался перейти границу с Финляндией или Латвией, ему бы не дали этого сделать. Поэт был обложен со всех сторон — как волк, — он предвидел такой конец в своем стихотворении 1921 года, где говорит об охоте на него, как на зверя: «Но отведает вражеской крови // Мой последний, смертельный прыжок!»

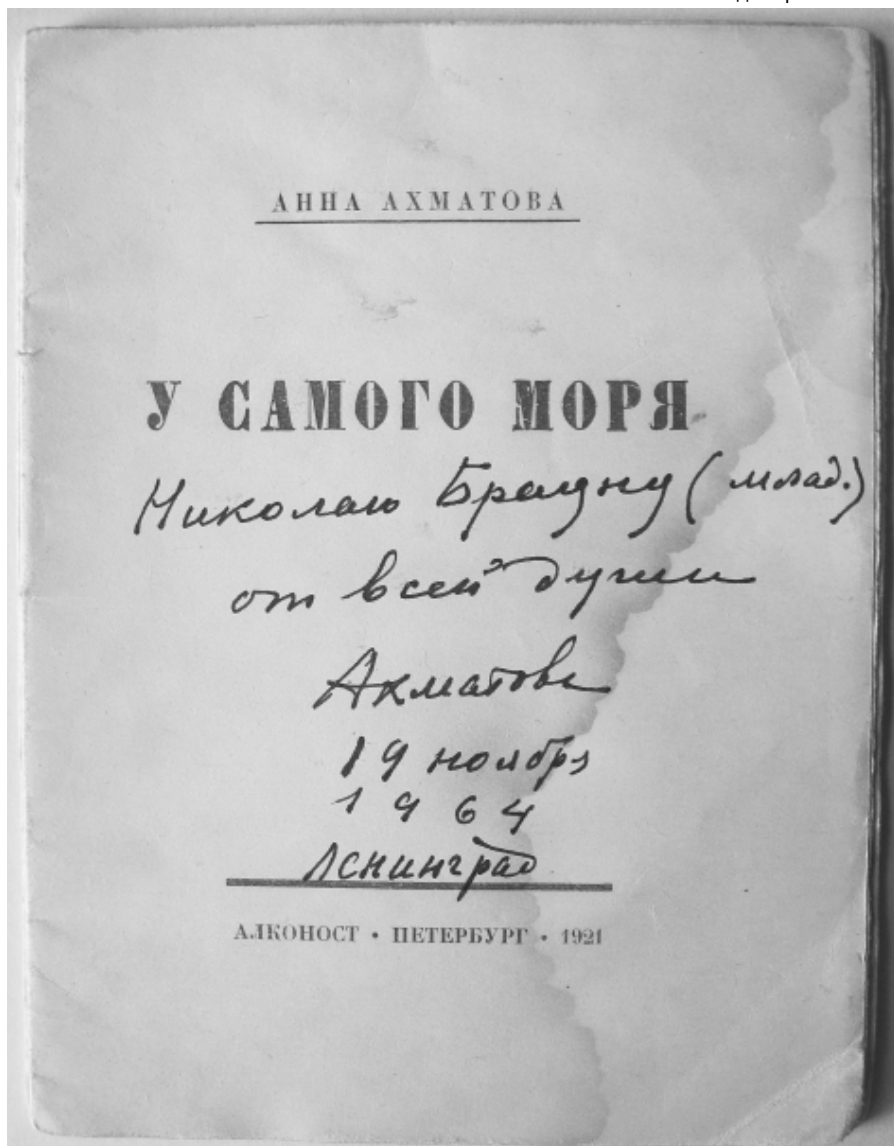
— Покойного Есенина видели сотни людей...

— Внешность его трижды «приводилась» в «порядок». Без «макияжа» его могли видеть только сотрудники ОГПУ и Моисей Наппельбаум с сыном Львом. Первый грим на лицо Сергея Есенина был наложен в «Англетере» незадолго до прихода писателя. Второй — в морге Обуховской больницы, перед прощанием в Союзе писателей

Николай Браун демонстрирует книгу «У самого моря» с дарственной надписью от Анны Ахматовой. 2014 г.

Фото Владимира Желтова

Книга Анны Ахматовой «У самого моря» (поэма) с дарственной надписью Н.Н. Брауну. 1964 г.

на Фонтанке, 50. Многих ран и, тем более, царапин уже не было видно. Николай Леопольдович дважды выносил тело Есенина: вначале из «Англетера» – под плечи, потом – в гробу, из Союза писателей. У него была возможность сравнить искусственные изменения во внешности убитого.

А в Москве в Доме печати, как вспоминала писательница Галина Серебрякова, уже лежала «нарумяненная кукла». Скульптура! Без каких-либо повреждений. Есенин не был похож не только на убитого, но и на самоубийцу. Вот почему сын покойного Александр Есенин-Вольпин, как и вы, удивлялся: «Как же так, тысячи человек видели отца и ничего не заметили!»

– Как же тогда объяснить, что разрешили снять посмертную маску? Причем, с явным повреждением черепа в лобной части.

– Пролом был такой глубокий, что его скрыть не представлялось возможным. Нашли объяснение: обжегся или ободрался «о трубу». Следов других повреждений на маске нет. В Есенине уже видели современного Пушкина. Есть же пушкинская маска. Ну и разрешили в надежде, что, если возможно «отредактировать» внешность поэта, то уж маску – труда не составит. А может быть, огэпзушники велели маску снять для отчетности, в доказательство о выполненной работе? Кстати, как известно, маску снимали два человека. По крайней мере, известны две маски. Одна – со слаженным вдавливанием. Вторая – с явными повреждениями черепа. Так называемая, маска из частной коллекции. Как она «ускользнула» от огэпзушников – остается загадкой.

– Наверное, возможна эксгумация...

– Эксгумация, сколько бы о ней ни говорили, невозможна! Потому что гроба Есенина в могиле нет. Обнаружилось это, когда хоронили мать Есенина Татьяну Федоровну. Вскрыли могилу – там три гроба, но есенинского нет. Сестра Шура помнила гроб брата. Впрочем, нашелся интересный свидетель, бывший шофер ОГПУ Снегирев, заявивший, что Есенина перезахоронили, возможно, в дальней части Ваганьковского кладбища. Ваганьковского ли? Неизвестно! При нем в ночь на 1 января 1926 года гроб выкопали и увезли, не сказав куда. И приказав ему привести могилу в прежний вид. Потому-то потомки и родственники поэта возражают против эксгумации.

На следующий день после смерти Есенина, 29 декабря 1925 года, ленинградская «Красная газета» опубликовала статью Бориса Лавренева «Памяти Есенина». Она имела подзаголовок: «Казненный дегенератами». И эпиграф: «И вы не смоете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь». А завершалась так: «И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду, и назвать палачей и убийц палачами и убийцами, черная кровь которых не смоеет кровавого пятна на рубашке замученного поэта».

– Я читал, что Есенин погиб в результате нелепой случайности. Якобы он, человек эпатажный, чтобы разыграть даму, решил инсценировать свое повешение, да труба, за которую он держался,

оказалась слишком горячей, и он невольно отдернул руку...

– Многие воспоминания – блеф, написаны лжесвидетелями, кадровыми сотрудниками ОГПУ. А потом пошли пересказы, без ссылок на источник.

В год столетия Есенина отличился журнал «Чудеса и приключения». Оказывается, некто Леонтьев в поселке Ургал Хабаровского края в бане признался журналисту Титаренко, что он «вот этой самой рукой» застрелил Есенина. Якобы по заданию самого Троцкого. Аргументация простая: у Троцкого и Есенина была общая любовница. Ну, и Троцкий из ревности приказал... Эта бытовая версия, в самом деле, из разряда «чудес и приключений». А есть еще более вздорная версия – что Есенин доживал свой долгий век на Колыме и стихов там написал не на один том. Бери и издавай!

Версии стали появляться в обществе, подобно вирусам в компьютере, когда возникла острая необходимость другого, чем самоубийство, объяснения смерти Есенина. Потому что не выдерживали критики ни документы, ни воспоминания. В нашей семье никогда не было никаких версий!

За «Реквием» Ахматовой – шесть суток ШИЗО

– Николай Николаевич, складывается такое впечатление, что сама судьба постоянно сводила вас с Ахматовой. Вы с родителями жили на канале Грибоедова в доме 9, куда в начале войны, незадолго до эвакуации из Ленинграда, Анна Андреевна переселилась. Потом семья ваша перебралась в другой «писательский» дом – на улице Ленина, и вы вновь оказались соседями. Летом вы до сих пор живете на даче в Комарово, и ахматовская «будка» тоже там...

– Можно добавить, что и в пермских, и в мордовских политлагерях строгого режима я «не расставался» с Анной Андреевной.

– Но в лагеря вы угодили, когда Ахматовой уже не было в живых!

– Да, мой политический процесс был тремя годами позже. Разумеется, все десять лет я постоянно помнил об Анне Андреевне. А в пермском лагере получил шесть суток ШИЗО (штрафного изолятора) за то, что одному из союзников – Сергею Михайловичу Пономареву продиктовал «Реквием». Во время очередного лагерного шмона (обыска) у него изъяли тетрадь с записью ахматовской поэмы. Нас недавно видели вместе и потому вызвали меня: «Вы диктовали Пономареву запрещенный «Реквием»?». – «Да». – «У вас он записан?» – «Нет. Я его помню наизусть». – «Понятно, почему при обыске у вас текст не обнаружен». В итоге Пономарев получил восемь суток ШИЗО, а я – шесть. У Сергея Михайловича, естественно, возник вопрос: почему ему на двое суток больше? Начальник лагеря пояснил: за то, что он хранил текст «с целью распространения», а вещественных доказательств вины Брауна нет.

Но, благодаря этому случаю, и лагерное начальство ознакомилось с текстом, который, как я понял, и на него произвел впечатление.

Вывод был мною сделан. Когда я в очередной раз находился в изоляторе в связи с лагерной забастовкой, ко мне в камеру на несколько суток поместили талантливый изобретатель, инженера из Тольятти Владимира Валетова; срок – пять лет за антисоветскую агитацию. Он выучил с моих слов часть ахматовской поэмы и перед выходом из камеры сказал мне, что готов читать ее другим слушателям. Вскоре, при перекуре в промзоне, я услышал, как он восторженно декламирует своему другу: «Это было, когда улыбался // Только мертвый, спокойствию рад...», что подтверждало все преимущества устного распространения стихов. Использовать такое преимущество в тех условиях я считал своим долгом. Кстати, знаю со слов самой Анны Андреевны, что некоторые ее друзья – число их невелико – и на воле тоже старались не иметь у себя «Реквиема», чтобы в случае обыска он не явился вещдоком хранения «в целях распространения» антисоветской литературы, и заучивали его наизусть.

– Когда вы ознакомились с «Реквиемом», как он к вам попал?

– Впервые я увидел текст в машинописном варианте у близких мне людей, имена и фамилии которых я не назвал на следствии, не назову и сейчас. Я немедленно перепечатаю текст на своей машинке, в трех экземплярах. Но кроме «самиздатского» я хотел иметь «Реквием», изданный отдельной книгой в Мюнхене в 1963 году. И я смог получить его нелегально, хотя это было очень нелегко, через моих несоветских русских друзей, проживающих в Финляндии. Сразу после получения я завернул книгу в изготовленную мной из плотной бумаги непрозрачную обложку и отправил ее к Анне Андреевне, в ее квартиру, которая находилась в соседней парадной. Ахматова была невероятно удивлена: «Как вам удалось достать?!» Она пролистала «Реквием» и сказала, что – в отличие от распечаток – все правильно. Кроме одной строки во вступлении. «Это было, когда улыбался // Только мертвый, спокойствию рад. // И ненужным привеском качался // Возле тюрем своих Ленинград». Ахматова сказала: «Должно быть "болтался". Давайте я поправлю». Я возразил: «Знаете, Анна Андреевна, это ошибка не грубая; "качался" – тоже достаточно образно». Она не стала спорить. Я попросил ее надписать мне книгу. «Я не могу этого сделать, потому что "Реквием" сам по себе уже является посвящением... мужу и сыну». Но, быть может, чтобы не обидеть меня отказом, сразу заметила, что на титульном листе не хватает дат написания поэмы. И, сказав: «Не 1963-й, а...» (год издания книги), написала под заголовком: «1935–1940». А наверху справа начертила характерную для нее как бы перечеркнутую букву «А».

– Анна Андреевна не попросила подарить ей книгу?

– Нет. Она понимала главное: я сделал почти невозможное по тому времени – до-

стал князя через какое-то незначительное число месяцев после выхода. А как-то я пришел к ней с другим уникальным изданием: «У самого моря»: издательство «Алконост», Петроград, 1921 год. Ахматова была растрогана. «Но откуда она у вас? Каким образом вам удалось приобрести этот раритет? У «Алконоста» же крохотный тираж!». – «Если я смог достать ваше мюнхенское издание, то раздобыть петроградское в Петрограде для меня оказалось проще». Анна Андреевна кивнула с улыбкой, затем взяла книгу, открыла и, слегка помедлив, написала на титульном листе: «Николаю Брауну (младшему) от всей души – Ахматова. 19 ноября 1964. Ленинград». Чем меня удивила – понятия «Ахматова» и «Ленинград» мне казались несовместными.

Я всегда бережно хранил и другие ее книги. «Подорожник», «Anno Domini», тоже 21-го года издания, «Четки» – год 22-й. Помню, как взял в руки «Anno Domini» еще в отроческом возрасте, и первое же стихотворение на меня произвело очень сильное впечатление. «Все расхищено, предано, продано, // Черной смерти мелькало крыло, // Все голодной тоскою изглодано, // Отчего же нам стало светло?» И еще в этой же книге сразу запомнилось стихотворение 19-го года, с обращением к «ты» с маленькой буквы к не названному по имени призраку убитого царя Николая II: «И странно ты глядишь вокруг // Пустыми светлыми глазами». Годы спустя в последующих изданиях я прочел: «И странно Царь глядит вокруг...» Помню, заставило задуматься подписанное 1914-м годом: «Не бывать тебе в живых, // Со снегу не встать. // Двадцать восемь штыковых, // Огнестрельных пять».

– Какие отношения были между вашими родителями и Анной Ахматовой?

– Благожелательные. В повсеместно известном докладе августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград» партийного секретаря Андрея Жданова в Смольном было громко сказано, что – цитирую: «в некоторых своих стихах Садофьев и Комиссарова стали подпевать Ахматовой, стали культивировать настроения уныния, тоски и одиночества, которые так любезны душе Ахматовой». Доклад этот был издан тогда брошюрой тиражом в 300 тысяч. Похожая характеристика по отношению к Комиссаровой содержалась и в Постановлении Оргбюро ВКП(б) от 14 августа 1946-го, опубликованном в газете «Правда». Хамские, продуманно оскорбительные формулировки давали понять: снисхождения не будет никому. Отчасти сбылось сказанное Ахматовой в устной эпиграмме 1937-го года: «За такую scomoroshinu, // Откровенно говоря, // Мне свинцовую горошину // Ждать бы от секретаря». А дальше было показательное исключение Зощенко и Ахматовой из Союза советских писателей, лишение их, на местном уровне, хлебных карточек, невозможность печататься.

Постановление явилось идеологической «артподготовкой» к «Ленинградскому делу», к новым послевоенным арестам, и одновременно, в 1949, к очередному аресту Льва Николаевича Гумилева, от которого при жестких допросах требовали признания, что

Вахта спецстрогого политлагеря
ВС 389/35 на Урале

Из архива Н.Н. Брауна

Н.Н. Браун на Фестивале авторской гражданской песни «Пилорама»
в бывшем политлагере, а теперь музее ГУЛАГА-ГУИТИ «Пермь-36». Август 2005 г.

его мать является агентом британской разведки, об этих допросах я знаю от него самого. Ахматова для НКВД была, по социальной принадлежности, вдовой царского офицера, контрреволюционера-заговорщика Николая Гумилева.

Мои отношения с Анной Андреевной складывались индивидуально, независимо от родителей. И не были связаны с какими-либо другими писателями. Мы виделись многократно, хотя иногда мимоходом, когда я по ее просьбе что-то отвозил в Комарово, где я проводил каждое лето, что-то передавал нашим общим знакомым. Кроме того, когда Ахматова жила в Комарово, я посещал ее там. Надо сказать, что на встречи, специально назначаемые мне, я не приходил без цветов. Однажды весной – с синими горными ирисами, в другой раз – с королевскими нарциссами. Помню, войдя в 1965 году в ее комнату на первом этаже комаровского Дома творчества с крупными султанами голубых гиацинтов, я услышал, что эти весенние цветы – в «числе ее самых любимых». Розы приносили другие посетители.

– Вы мне как-то сказали, что записывали Ахматову на магнитофон...

– Да, записывал, здесь, в этой квартире, на улице Широкой, в комнате, где мы сейчас с вами беседуем. Сначала «Реквием» – в исполнении самой Анны Андреевны. Для записей я приглашал ее к себе домой, где в это время больше никого не было, чтобы избежать вопросов и любых помех. Заходил за ней – как я уже говорил, она жила в соседней парадной. Лифт наш работал с перебойми, а подниматься нужно было на пятый этаж. Но переживания мои всякий раз, к счастью, оказывались напрасными.

Затем я сделал запись лирических стихов Ахматовой. Анна Андреевна сидела за тем же журнальным столиком у окна, перед микрофоном защитного цвета армейского образца, большой магнитофон «Дніпро» стоял поодаль на подставке. Она сказала, что подборка стихов, которую я выбрал для записи, «нам не пригодится», она приготовила свою программу, по ее мнению, наиболее подходящую для возможной будущей пластинки. Лирику Анна Андреевна читала с молодым, неожиданным для меня задором, увлеченно, в голосе отчетливо слышались окрыленные былым забываемым вдохновением интонации.

Перерыв на чай бывал по-деловому коротким и не отвлекал от поставленной задачи. С полным основанием утверждаю, что записи получились очень удачными. Обширная запись лирики содержит ею заранее избранные стихи, которые прочесть с таким настроением еще раз, наверно, не смогла бы и она сама. Оригиналы записей я храню в моей фонотеке, начатой еще в 1960-е, которая называется «Голоса двух эпох».

– Трудно представить: молодой человек, пусть и хорошо знакомый, предлагает Ахматовой: «Анна Андреевна, я хочу записать ваши стихи на магнитофон. Почитайте, пожалуйста, лирику и «Реквием». То есть поэму, которую люди учат наизусть, чтобы в случае обыска, не было улики. Пришлось убеждать?

– Наше общение с Анной Андреевной всегда было непринужденным и доверительным. Эту ее открытость и доверительность в то самое время, когда замкнутость и подозрительность в советской литературной среде была обычным явлением, я считал большой честью для меня. Думаю, не последнюю роль в этом вопросе сыграло то, что по окончании записи я предъявлял готовый результат, и запись производила на более чем взыскательного автора хорошее впечатление. И еще. Надо было видеть, как она преображалась при чтении! У нас возникла договоренность о магнито-записи «Поэмы без героя», помешала простуда Ахматовой. Но при одной из последующих встреч она в отрывках читала уже вторую часть, делая краткие пояснения к главам, их персонажам, которые так дороги ей, увлеченно говорила о том, как поэма просилась быть написанной, о том, что в ней выражен внутренний сплав несовместимого и необъяснимого ни в какой другой форме, кроме иносказательной.

В 1967 году, 2 марта, через год после того, как Ахматовой не стало, состоялся

Н.Н. Браун с матерью, поэтессой Марией Ивановной Комиссаровой по возвращении из политлагерей. Апрель 1979 г.

«Я не инакомыслящий, я – мыслящий»

– Николай Николаевич, в семье известных советских поэтов вырос несоветский человек. Когда к вам пришло осознание, что «мы пойдем другим путем»?

– Еще в школе. Я учился в 222-й школе, знаменитой Петершуле. Обучение было раздельное, одни мальчишки. Старшие нам поясняли, какой должна быть жизнь. Драки – только на кулаках, до первой крови, лежачего бить нельзя. Стукачество жестоко каралось. Презирались воровство и пионерские галстуки. «Красную сеledку» носить вне школы было «западло». На уроки приходилось волей-неволей повязывать. У меня сохранился «Отпускной билет пионера», в верхнем углу которого: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будь готов!» Не за дело партии. Сегодня скажите, что был такой документ – не поверят. Летом останавливают дядечки в орденах: «Пионер?» – «Пионер». – «Отпускной билет есть? Покажи». Я очень рано начал понимать, что вся наша действительность пропитана ложью. Между прочим, крещен я был в 1945 году батюшкой, только что освобожденным из лагеря.

Мне родительница дает с собой бутерброды, а я вижу на перемене десятки голодных глаз: «Дай кусочек!» И я отламываю себе кусочек, а все остальное, конечно, раздаю. «Если мы живем в такой замечательной стране, то почему у нас есть голодные? Если мы победили в такой войне, то почему всего боимся?» Эти вопросы я пытался задавать старшим, в том числе писателям. Чаще всего слышал: «Ты, мальчик, об этом никогда не спрашивай!»

Полным ходом шло осовечивание, окомунячивание народа. «Власть можно выбирать?» – «Да, но ты голосуй как все». А как же иначе? «Народ и партия едины!»

По мере взросления, стал делать собственные выводы, обобщения. Я всегда, и во время следствия, когда меня обвиняли в инакомыслии, говорил: «Я не инакомыслящий, я – мыслящий». Это ведь куда опаснее,

Н.Н. Браун в спецстрогом политлагере ВС 389-36. Урал. ГУИТУ. 1976 г.

Н.Н. Браун. Фестиваль «Пилорама». «Этапный Рок». Июль 2008 г.

Н.Н. Браун у памятника казакам. Лондон. 1996 г.

чем инкомыслящий! Я пошел своим мыслительным путем очень рано. Я даже перефразировал известное латинское изречение: «Cogito ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую» – на свой антисоветский лад: «Incognito Ergo Sum» – «Мыслю скрытно, следовательно, существую».

31-й день своего рождения я встретил на скамье подсудимых. С чем меня и поздравил отец – Николай Леопольдович сложил руки так, как складывают, когда колышут младенца. Очень памятное поздравление с днем рождения. А кому-то суд памятен тем, что я читал стихи, в которых меня обвиняли – со скамьи подсудимых.

– Как повели себя ваши родители, когда узнали о вашей «антисоветской деятельности»? С пониманием? С осуждением?

– Когда мы встретились с отцом на свиданке в тюрьме, после того, как я получил десятилетний приговор спецстрогих лагерей, он сказал: «Мы с матерью можем демонстративно положить на стол наши писательские билеты – в знак протеста...» Билеты, которые, кстати, были подписаны Максимом Горьким. Я подумал и ответил: «Ни в коем случае не надо этого делать. Я знаю ваш Союз писателей не хуже вас, а, может быть, даже и лучше. По крайней мере, мне со стороны многое виднее. Понятно, что никто вас не поддержит. Поэтому вы должны продолжать заниматься делом вашей жизни и служить Отечеству так, как считаете возможным. А я попробую **служить Отечеству в согласии со своими убеждениями**, отвечая за свои слова и действия. Не ваша вина в том, что мои убеждения не совпадают с убеждениями людей, состоящими в Союзе советских писателей. Людей, которые писали и пишут по указке партии. Или по указке своего сердца, что, впрочем, одно и то же, поскольку: «их сердца принадлежат партии».

На суде я, отводя беду от родителей, сказал: «Я считаю их законченными советскими писателями!» «Как? Разве они хотя бы о чем-нибудь не подозревали?» – «Нет, ни о подготовке взрыва мавзолея Ленина, ни о покушении на Брежнева. Своих антисоветских стихов я им тоже не читал».

– Вас могли обвинить в «самиздате», в распространении нелегальной литературы, могли судить как яркого и ярко-антисоветчика, но в вину вам инкриминировались подготовка взрыва мавзолея и подготовка покушения на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева – это за рамками моего понимания.

– С этим не ко мне, а к тем, у кого на что-то более разумное ума не хватило. Этих обвинений следствие так и не смогло доказать.

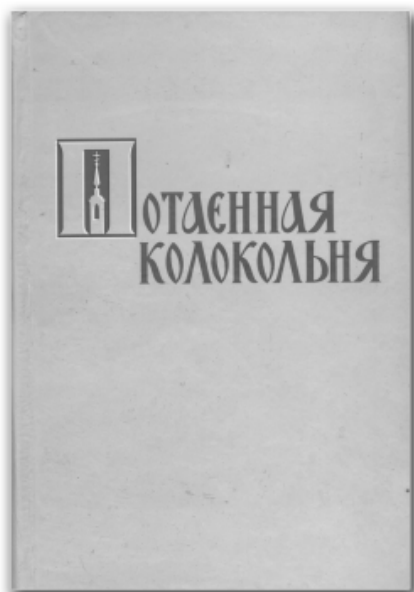
В моем обвинительном заключении и приговоре, кстати, есть пункт, где мне инкриминируется чтение моих антисоветских стихов в доме Шульгина в городе Владимире. В связи с этим Василий Витальевич и был привезен оттуда чекистами на черной «Волге» в Ленгорсуд. Чтобы подтвердить, что я агитировал его и обрабатывал в антисоветском духе. Сейчас все это, конечно,

выглядит бредом, но уровень горсуда был такой, что со стороны обвинения это могло казаться вполне естественным.

Выступая в суде в мою защиту, Василий Витальевич, в частности, сказал: «Подсудимый не мог меня агитировать против Советской власти, потому что я являюсь ее сознательным врагом, идейным врагом Ленина и большевиков. Являясь участником белого движения, я воевал с большевиками и коммунистами». Понятно, что Шульгин – не та персона, которую я мог агитировать. Возможно, КГБ преследовал

Н.Н. Браун рассказывает о своей фонотеке голосов поэтов и писателей «Голоса двух эпох». Санкт-Петербурге. Дом учёных. 2010 г.

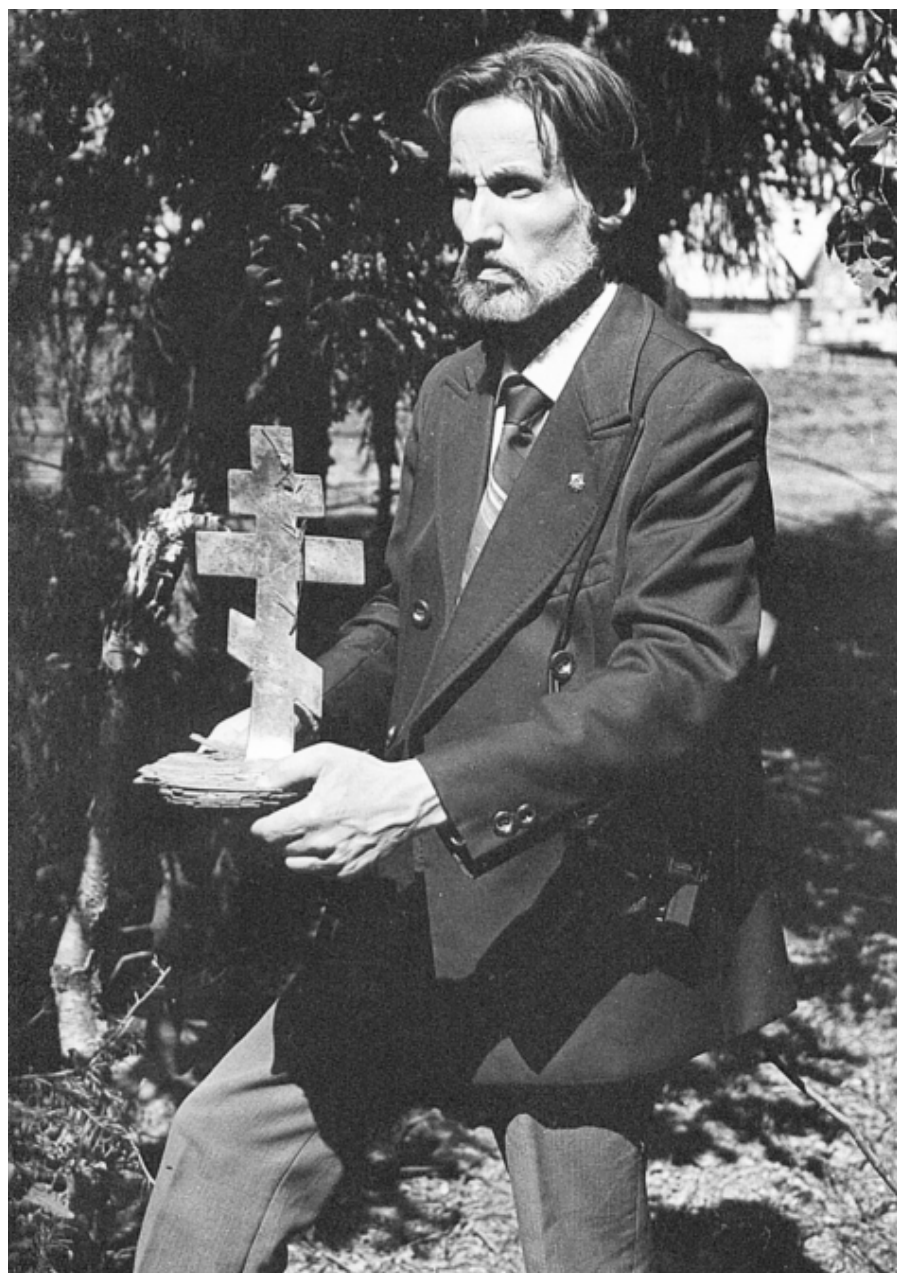

«Потаённая колокольня» Н.Н. Брауна посвящена им. Катакомбной Православной церкви в период СССР. Написана в политагерьях и тюрьмах. Санкт-Петербург. 2007 г.

«Мечом уст моих». Антология русских поэтов антибольшевистского сопротивления, названная по строке Н.Н. Брауна, была издана им тиражом 10 тысяч экземпляров.

Санкт-Петербург. 1997 г.

Н.Н. Браун на кладбище безымянных политзаключённых. Станция Всесвятская Чусовского района Пермской области. 13 июля 1992 г.

*Н.Н. Браун при входе в бывший немецкий концлагерь, а теперь музей Заксенхаузен.
Ораниенбург. Март 2014 г.*

*В.В. Шульгин, М.Д. Шульгина, Н.Н. Браун.
Октябрь. 1966 г.*

другую цель: сам факт, что меня защищает участник белого движения и монархист, с которым я поддерживал тесные отношения, можно было истолковать как утяжеляющий вину.

— Как в вашей жизни возник Шульгин?

— Николай Леопольдович отдыхал в Гаграх, в Доме творчества писателей. Он знал, что я под большим впечатлением от документального фильма «Перед судом истории», главный герой которого Шульгин. Отец однажды позвонил домой: «Здесь Шульгин. Прилетай!». (Друзья из Владимира и Москвы достали ему путевку в Дом творчества писателей.) Я взял билет на ближайший рейс. В Гаграх Шульгин отдыхал вместе с супругой. В результате тесного ежедневного общения Василий Витальевич предложил мне быть его секретарем. Он стал диктовать мне свои произведения.

Мы с Шульгиным два сезона провели в Гаграх, и оба сезона работали. Я бывал у Шульгиных во Владимире, мы переписывались. Я помогал Василию Витальевичу и его супруге в кое-каких житейских делах.

Судили меня не одного — шестерых, зачитали приговор, выводят во двор (он со стороны улицы Пестеля), сажают в два автозака, а по двору бегают подростки и распевают белогвардейскую песню из кинофильма «Операция «Трест», в который были включены кадры из картины «Перед судом истории»: «Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое: «Ура! Ура! Ура!». Мальчишки, конечно, знали, что в горсуде закончился нашумевший политический процесс, но пели ли они по собственной инициативе или их надоумил кто-то из взрослых, оставалось только догадываться.

*В.В. Шульгин, Н.Н. Браун.
Гагры,
12.10.1966 г.*

Н.Н. Браун у разрушенной Берлинской Стены. Берлин. Март 2014 г.

Н.Н. Браун. Фестиваль «Пилорама». «Этапный Рок». Июль 2008 г.

Н.Н. Браун выступает на организованном им митинге Имперского Союза с требованием очистить наш город от имён цареубийц и террористов. 14 марта 1994 г.

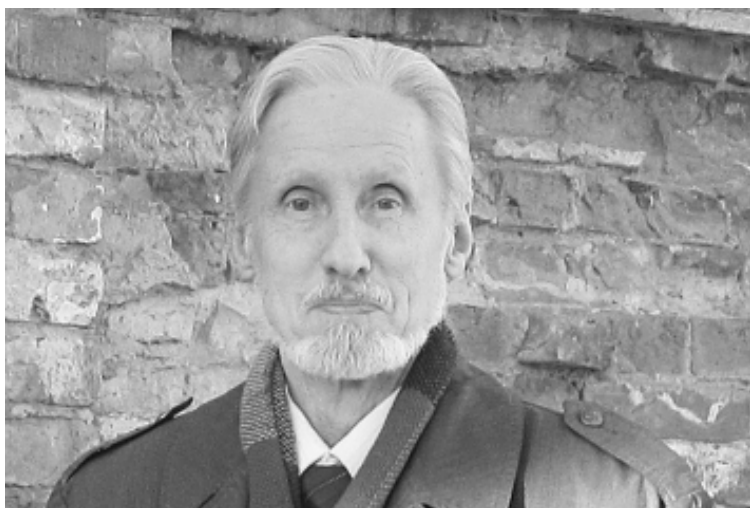
– Шульгин был свидетелем отречения Государя императора от престола. В ваших разговорах вы не могли не коснуться этого...

– Вы знаете, что из себя представляет отречение Николая? Листок бумаги с машинописным текстом: «Начальнику Штаба...» Какому именно? Подпись императора – карандашом! Текст заверен: «Министр императорского двора генерал-адъютант барон Фредерикс». Если бы не подпись Фредерикса, это, так называемое, отречение вообще можно было бы выкинуть в мусорную корзину. Документ, который даже начинающий канцелярист не принял бы всерьез.

Вопрос об отречении, по утверждению Шульгина, «был предрешен». Отречение произошло бы независимо от того, присутствовал бы он при этом или нет. Василий Витальевич хотел убедить Государя, что отречься ни в коем случае не надо, но, как я понял из его объяснений, у него не было такой возможности. Он посчитал, что при отречении должен присутствовать хотя бы один монархист. Шульгин также считал, если акт отречения передадут партии монархистов, можно будет спасти монархию. Он опасался, что государь может быть убит, и ехал на станцию Дно с целью «создать щит», чтобы убийства не произошло.

– Сказалось ли то, что вас осудили, на мировоззрении ваших родителей?

– Так или иначе, но все резко изменилось в один день. Советские поэты стали родителями политзаключенного. С момента моего ареста у них уже был другой сын, а у меня – другие родители. Они вынуждены были пересмотреть свои предыдущие взгляды и позиции. Потому что в стране

Н.Н. Браун. 08.03.2014 г.

Н.Н. Браун со знаменем. 2010 г.

Фото Игоря Потёмкина

«триумфально шествующей советской власти» их мыслящему сыну уготованы тюрьма и лагерь. Значит, в чем-то была их ошибка. Николай Леопольдович ни разу с момента моего ареста ни в чем не упрекнул меня, старался понять. Он был человеком высокого духа, которого не раз обходила смерть на передовой. Родители хорошо знали то, что происходило в стране на протяжении 50 лет Советской власти. Слишком близко происходило и проходило. Смерть Гумилева, убийство Есенина, расстрелы 37–38 годов... В 40-м Николай Леопольдович сам был на грани ареста и расстрела. Благодаря нашим лагерным «свиданкам», он увидел брежневско-андроповские политлагеря ГУИТУ – прямое продолжение ГУЛАГа.

В связи с вашим вопросом хочется вспомнить эпизод из жизни родителей после моего ареста. Когда руководству Союза писателей было поручено собрать подписи под партийным письмом с требованием об исключении из организации Александра Исаевича Солженицына, в нашу квартиру было два телефонных звонка. Сначала – Марии Комиссаровой, из канцелярии Союза писателей, с вопросом, согласна ли она подписать письмо с таким требованием. Она ответила спокойно: «Забудьте навсегда, это вам не 30-е годы». Следующий звонок был Николаю Леопольдовичу, из газеты «Ленинградская правда», органа Обкома КПСС, с тем же вопросом. Он сразу резко оборвал журналистку по фамилии Витоль: «Да как вы смеете? У меня сын в ГУЛАГе!» Подписантов, готовых угодить Советской власти, было и без родителей достаточно. Этот вопрос должен был унижить обоих, уже не молодых поэтов, оскорбить их беспартийное самолюбие, потому-то им и звонили.

Последний раз я виделся с отцом на Урале, в конце 1974 года, они навестили меня с матерью, добившись разрешения на свидание. Николая Леопольдовича Брауна не стало 12 февраля 1975 года. Мне оставалось отбывать срок еще четыре года. Десятилетний срок я отбыл целиком.

Мария Ивановна дожила до того времени, когда могла вместе со мной и моими друзьями петь «Боже, Царя храни», и пришла в восторг, когда над Россией вновь взвился трехцветный флаг, под которым в 1900-м она родилась. С радостью подписывала все документы: за возрождение казачества, за восстановление храмов. Возлагала большие надежды на то, что жизнь изменится к лучшему.

А я и сегодня, как и раньше, имею свой, обогащенный опытом, критический взгляд на нашу действительность. И выражаю свои идеи, убеждения, подкрепленные жизненным опытом – в публичных выступлениях, в концертах, в стихах и песнях.

Беседовал Владимир ЖЕЛТОВ